

Влияние библейских переводов на глагольную систему идиша, ладино и еврейско-греческого языка. Предварительные замечания*

В статье проводится сопоставительный анализ нескольких примеров из глагольной системы идиша, еврейско-греческого и ладино, которые формируются в языке под влиянием распространенной техники переводов Библии на еврейские языки. Констатируется готовность глагольной системы еврейских языков к принятию инноваций и морфологическому конструированию аналитических глагольных форм. Языковые примеры рассматриваются в общем контексте формирования словесности на еврейских идиомах, прослеживаются типологические сходства в процессе становления письменной культуры на этих языках. Выделяются основные этапы и типы литературной продукции, среди которых важное место отводится переводам отдельных библейских книг и созданию в той или иной степени полного корпуса текстов Священного писания. Обсуждается переход от калькирования к литературному переводу и закрепление в языке калькированных структур.

Ключевые слова: идиш, ладино, еврейско-греческий, глагольная система, библейские переводы, морфологические инновации, калькирование, аналитические глагольные формы.

V. V. Fedchenko

Yiddish, Ladino and Judeo-Greek verbal systems under the influence of Biblical translations. Preliminary remarks

This article presents a comparative analysis of some examples from the verbal system of Yiddish, Judeo-Greek and Ladino, whose emergence was influenced by the well-known technique of biblical translations into the Jewish languages (calque translations). The article postulates that the verbal system is more flexible in accepting the innovations and constructing new analytical forms. Language examples are considered in an overall context of the formation of literature on Jewish idioms, typological similarities are traced in the emergence of written culture in these languages. We highlight the main stages and types of their literary production, among which an important place is given to the translation of certain books of the Bible and to the creation of a more or less full corpus of Holy Scripture. We discuss the transition from calque to literary translation and consolidation of calque expressions in the language.

Key-words: Yiddish, Judeo-Greek, Ladino, verbal system, biblical translations, innovations in morphology, calque, analytical verb forms.

1. Введение

Культурные традиции на еврейских языках оказываются в разной степени развитыми и принимают различные формы. Некоторые из них проходят только этап устной коммуникации и используются исключительно в повседневной жизни, обладая ограниченным набором функций. На самых развитых еврейских языках формируется богатая литература, включающая в себя все жанровое многообразие, характерное для высоких европейских традиций. Между этими двумя полюсами располагается континуум, состоящий из письменных традиций разной степени развитости. Объектом внимания данной статьи являются два еврейских языка с самой долгой историей — идиш и ладино, а также менее богатый письменными источниками еврейско-греческий языковой вариант.

Развитие словесности на еврейских языках, как правило, происходит сходным образом. Первый этап формирования еврейского языка заключался в устном развитии идиома, который использовался в повседневной жизни, и его отмежевании от языка-источника. От данного периода обычно сохраняется очень мало письменных свидетельств. Среди них следует упомянуть записанные еврейскими буквами библейские глоссы и фрагменты раввинистических респонсов. Несколько позже составляются списки отдельных лексем, которые организуются и издаются в виде глоссариев.

В результате формируется письменная традиция, которая была изначально предназначена для аудитории, лишенной полноценного религиозного образования и утрачивающей способность читать древнееврейские тексты в оригинале. Сформировавшаяся литература обладала четкой жанровой структурой и включала в себя переводы Библии и

молитв, дидактические трактаты, инструкции по повседневной обрядности, а также произведения преимущественно развлекательного характера: сатиры, любовные романы, лирику, песни. Специфика литературы на светских языках сложилась под несомненным влиянием средневекового иврита, как сакрального высокого языка.

Важным этапом на пути становления самостоятельной литературы на еврейских языках являются переводы библейских текстов на еврейские языки. Отдельные книги и фрагменты Библии на трех указанных еврейских языках начинают издаваться в рукописной форме в период Средневековья и Ренессанса. В первую очередь, это части Священного Писания, которые читали во время субботней и праздничной литургии. Известны ранние многочисленные переводы на идиш и на ладино Торы и отрывков из *Гафтотры*, Псалмов и свитков (*мегилот*). Еврейско-греческих текстов сохранилось существенно меньше: из них самый ранний перевод — книга Ионы (1262) [см. 15], фрагменты Экклезиаста, главы из книг Иова (1576), Даниила (1627), Эзры (1627), *гафтоторот* из *Махзор Романия*.

Полные переводы Пятикнижия известны уже в печатной форме: для трех рассматриваемых в этой статье традиций это — ряд изданий *Хумеш-тайч* (букв. ‘толкование Пятикнижия’) на идише (Аугсбург 1544, Констанц 1544, Кремона 1560, Базель 1583 и 1603), Константинопольское Пятикнижие, включившее в себя еврейско-греческую и еврейско-испанскую (ладино) версии текста, и Феррарская Библия (ладино). Для упомянутых текстов характерно морфосинтаксическое калькирование библейского текста и игнорирование при необходимости правил еврейского языка, на который переводился текст. Данный способ свойственен многим еврейским традициям: он помог избежать профанизации текста при его переносе на «светский» язык. Многие исследователи высказывали предположение об устной природе данных переводов, которые изначально использовались в еврейских школах в помощь изучающим Священное Писание. Благодаря постоянной практике были выработаны определенные нормы подобного перевода.

Вслед за буквальными переводами-кальками переводческая традиция на еврейских языках развивается в сторону освобождения от авторитета оригинального текста. При этом многие переводы начинают одновременно играть роль комментариев и становятся всё более популярным чтением среди носителей. Вплоть до настоящего времени привлекают своих читателей знаменитые тексты: на идише — Цеено У-реено, как она официально называется в ашкенаском варианте произношения, или Цене-Рене, согласно наименованию, распространенному среди носителей языка; на ладино — Меам Лоэз. Еврейско-греческая традиция не получила достаточного развития для создания единого переложения Библии и остановилась на интерпретации библейских сюжетов в литургических гимнах.

Логично было бы предположить, что переводы Священного писания, в силу своей популярности, ускоряли процессы койнеизации еврейских языков. Благодаря переводам возникает орфографический стандарт, на который впоследствии часто ориентируются создатели оригинальных текстов на еврейских языках. В остальном, соотношение языка переводов с еврейским языком, в рамках которого функционирует еврейская община, оказывается ситуативным. В зависимости от конкретной социолингвистической ситуации влияние переводов могло быть более или менее опосредованным.

2. Влияние перевода на глагольную систему

2.1. Вводные замечания

Вопрос о влиянии переводного калькированного языка на развитие самостоятельного еврейского языка очень интересен. Судя по предварительным наблюдениям, в наибольшей степени калькирование влияет на формирование глагольной системы еврейского языка. По всей видимости, это связано с двумя факторами:

- а) Глагольная система семитского языка обладает схожими видо-временными характеристиками, но отличается их морфологическим выражением, что провоцирует «светский» язык искать способ адекватного представления оригинальной древнееврейской глагольной формы.

б) Именная система обладает большей устойчивостью. Калькированное употребление имен существительных во множественном числе сохраняется только при использовании языка в его поэтической функции (АН *shamaium* — JG *uraní, Y hímnen*, ср. с русским: небеса). В то же время перевод не способен спровоцировать изменение рода имени существительного, например:

i thálasa *rovevúómenos* *ke*
 def.f море. фидти.m.ptcp.prs.pass conj
lelarízon [Jon. 1:11; 15, с. 214].
 волноваться.m.ptcp.prs.act
 ‘Море двигается и волнуется’

В примере (1) определения согласовываются с существительным «море» (женский род в греческом языке) по мужскому роду, калькируя мужской род АН *уam*, однако в ходе последующего языкового развития это изменение не приживается.

Основные тенденции

Сравнивая три переводческие традиции, можно отметить две основные тенденции в инновациях, которые провоцирует язык перевода в «светских» еврейских языках.

2.2.1. Отсутствие прямых морфологических аналогов древнееврейских форм может компенсироваться за счет уже существующих средств языковой системы. При этом наблюдается явное стремление к архаизации глагольной системы, складывающееся при попытке как можно точнее передать древнееврейские видо-временные формы. В процессе поиска соответствий задействуется всё грамматическое разнообразие языка перевода и «возрождаются» устаревшие формы. В результате могут порождаться (или, точнее, возрождаться) как синтетические, так и аналитические глагольные формы. Например, в ладино долго остается в употреблении форма конъюнктива будущего времени (например: *salyeres* ‘[вы] можете выйти’) и усеченное презентное причастие (*vižitán* ‘[он] посещает’) [10, с. 344].

Впрочем, подобные архаизмы редко надолго остаются в широком употреблении. Благодаря им, за переводным текстом закрепляется идея архаичности, поэтому в еврейских языках можно наблюдать и противоположное явление. Архаичные формы могут использоваться в языке перевода без какой-либо связи с конкретной древнееврейской грамматической конструкцией. В идише посредством библейских переводов (в частности, в Цене-Рене) сохраняется конструкция «*ton* ‘делать’ + INF», например:

Di *neshome* *tut* *loybn* *got* *vos* *er*
 def душа.nom делать.3s.prs хвалить.inf бог.acc который 3s
hot *ir* *geholfn* [4, с. 332].
 иметь.3s.prs 2p помогать.ptcp.prv
 ‘Душа хвалит Бога за то, что он ей помог’

В поздних изданиях Цене-рене (конец XIX в.) она обслуживает, в первую очередь, те фразы в тексте, которые являются прямым переводом Священного писания и следуют сразу за отрывком из оригинала. При этом рассмотрение данных конструкций показывает, что их возникновение в тексте не связано с переводом конкретной формы библейского иврита, то есть прямой зависимости грамматики перевода от грамматики оригинала не наблюдается. Поскольку эти конструкции не являются прямыми или опосредованными кальками с иврита, а также не имеют аспектуальных семантических нюансов, можно предположить, что они используются как стилистический прием. Так как здесь идет речь о переводах фраз из Священного писания, данные конструкции, скорее всего, отвечают за архаизацию языка и сопутствующее повышение стиля. Впоследствии в классической литературе на идише, где происходила выработка языкового стиля, подобные конструкции высмеивались (см. начало романа Менделе Мойхер-Сфорима «*Dos vintshfingerl*», рассказ Шолом-Алейхема «*Di eytse*»).

2.2.2. Второй вариант развития глагольной системы еврейских языков под влиянием переводов-калек заключается в том, что поиск аналогов библейским глагольным формам запускает механизм языкового конструирования, в результате которого в большинстве случаев порождаются новые аналитические конструкции. В Константинопольском Пятикнижии в еврейско-греческом переводе для выражения значения имперфекта используется конструкция: глагол *íne.IPRF* ('быть') + *INF*, образованный от основы настоящего времени, с усеченным конечным –п:

(3) ἦτον βόσκει [Gen 4:2, 8, с. 301]
 быть.3s.iprf пасти.inf
 'пас'

(4) ἦτον δουλεύει [Gen 4:2, 8, с. 301]
 быть.3s.iprf работать.inf
 'работал'

Данная конструкция не является прямой калькой с древнееврейского, но, возможно, возникает под влиянием древнееврейской модели образования форм настоящего времени и имперфекта с помощью причастия. В греческой модели презентное причастие заменяется на инфинитив настоящего времени [8, с. 291]. С другой стороны, похожая модель образования имперфекта — *íne.IPRF* ('быть') + *V.PTCP.PRS*, — по сведениям Б. Джозефа, употребляется в греческом языке Нового Завета [18, с. 144]. В еврейско-греческом языке данная форма не приживается [см. 3], хотя в системе греческих диалектов такое типологически редкое явление, как аналитические формы от основы имперфекта, засвидетельствованы (например, в цаконском диалекте греческого языка формы настоящего времени [см. 1]). Стоит заметить, что еврейско-греческий идиом, в целом, не прошел самостоятельного развития в изоляции от своего языка источника, поэтому многие инновации, если даже они и возникали, были сглажены ассимиляционными тенденциями в процессе контактов с новогреческим языком.

В более развитых еврейских языках, ладино и идише, подобные конструкты получили распространение. В библейских переводах начала XV-конца XVI вв. переводчику приходится решать вопрос об адекватной передаче форм породы *нифаль* на немецком языке. Как фиксирует немецкая исследовательница раннего идиша Э. Тимм, в переводах XVI в. корень m-l-t / p-l-t (מלט, פלט) со значением «убегать, исчезать» в форме *нифаль* (פלט) передается сочетанием *antrunen vern* [27, с. 156-157], которое по форме совпадает с пассивной конструкцией, но при этом обладает активным значением. Добавление глагола *vern* 'становиться', с одной стороны, связано со стремлением передать на идише основное пассивное значение породы *нифаль*. С другой стороны, такое сочетание становится удобным для отражения периферийной аспектуальной семантики породы — ингрессива/инхоатива, что совпадает с изначальной лексической семантикой грамматикализованного *vern*. Как постулируется в работе Дж. Байби [11: с. 12, 15-16]: лексический источник грамматической единицы предопределяет путь ее грамматикализации и, тем самым, ее семантику и функционирование в грамматической системе. В данном случае лексическое значение грамматикализованного элемента дополнительно актуализируется. Этот процесс можно называть термином Л. Джохансона *code copying* [17], когда заимствование меняет структуру языка, принимающего заимствование, в сторону языка-источника.

Такая традиция перевода форм породы *нифаль* закрепляется в идише, в результате чего в языке появляется и существует до сегодняшнего дня группа глаголов, которые помимо обычной парадигмы имеют также дублетный вариант парадигмы с *vern*, при этом лексическое значение и аспектуальный класс у обоих вариантов совпадают. Эти глаголы имеют значение «экстремального изменения состояния»:

antlojfn – *antlofn vern* 'убегать',
antšlofn – *antšlofn vern* 'засыпать',
faršvinden – *faršvunden vern* 'исчезать' и т. д.

Перечисленные дублетные варианты имеют полные парадигмы во всех возможных временах и ряде видовых форм (ограничение на часть видовых форм, таких как, например, конструкция моментального вида, обуславливается аналитическим характером формы).

Не исключено, что рассмотренные переводы-кальки способствовали распространению в идише универсальной модели оформления древнееврейских глагольных заимствований: *vern + V.ПТСР* и *zajn + V.ПТСР*, которая фиксируется уже в ранних текстах на идише, например:

so	wil	ich	dir	den	śod
	так	хотеть.1s.prs	1s	dat.2s	def.асстайна
	maémin		sein [26, с. 526/87].		
		доверить.ptscr	быть.inf		

‘Итак, я хочу доверить тебе тайну’

В ладино подобные аналитические способы оформления глагольных заимствований также засвидетельствованы, и, в отличие от идиша, здесь древнееврейские причастия сохраняют способность изменяться по числу, например:

ke	se	sean	miθkabes-im	el	kahal
	conj	rfl	быть.3p.prs	собрать.ptscr.rfl-p	def
					община

[22, с. 238; 9, с. 110].

‘пусть они соберутся в общину’.

Таким образом, в развитых еврейских языках — идише и ладино — можно наблюдать как прямое, так и опосредованное влияние языка библейских переводов на особенности глагольной системы. Устное бытование переводных текстов и ежедневное обращение к ним способствовали проникновению отдельных элементов или конструкций в разговорный еврейский язык. Дальнейшие изыскания в этой области представляются весьма перспективными.

Сокращения

1 — первое лицо, 2 — второе лицо, 3 — третье лицо, ACC — винительный падеж, ACT — действительный залог, АН — древнееврейский язык, CONJ — союз, DAT — дательный падеж, DEF — определенный артикль, F — женский род, INF — инфинитив, IPRF — имперфект, JG — еврейско-греческий язык, M — мужской род, NOM — именительный падеж, P — множественное число, PASS — страдательный залог, PRS — настоящее время, PRV — перфектив, ПТСР — причастие, RFL — рефлексив, S — единственное число, V — смысловой глагол, Y — идиш.

Литература

- Кисилиер М. Л. Об аналитических формах презенса и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка // М. Л. Кисилиер, А. Ю. Русаков (ред.). Балканистика. Византистика. Неоэллинистика. Сборник научных статей. — Вып. 1. — В печати.
- Кисилиер М. Л., Федченко В. В. «Евангелие Любви» (Иоанн 20: 19–25): цаконский вариант // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 21–23 июня 2010 г. — 2010. — Т. 14. Ч. 2. — С. 47–57.
- Федченко В. В. Еврейско-греческие диалекты: от переводов Библии к языку оригинальных произведений // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 20–22 июня 2011 г. — 2011. — Т. 15. — С. 564–578.
- Ashkenazi Y. b. I. Sefer tseenah u-reenah. — Vilno, 1895.

- Aslanov C. The Judeo-Greek and Ladino Columns in the Constantinople Edition of the Pentateuch (1547): A Linguistic Commentary on Gn 1:1–5 // *Revue des Études Juives* — 1999. — Vol. 158, N. 3–4. — P. 385–97.
- Baumgarten J. Introduction to old Yiddish literature. Edited and translated by J. C. Frakes. — New York: Oxford University Press, 2005.
- Belléli L. Deux versions peu connues du Pentateuque faites à Constantinople au seizième siècle. *Revue des Études Juives*. — 1891. — Vol. 22. — P. 250–263.
- Belléli L. Une version grecque du Pentateuque du seizième siècle // *Revue des Études Grecques*. — 1890. — Vol. 3. — P. 289–308.
- Bunis D. M. Judezmo Analytic Verbs with a Hebrew-Origin Participle: Evidence of Ottoman Influence // Bunis D. M. (ed.) *Languages and Literatures of Sephardic and Oriental Jews. Proceedings of the Sixth International Congress for Research on the Sephardi and Oriental Jewish Heritage*. — Jerusalem: the Bialik Institute, 2009. — P. 94–166.
- Bunis D. M. Translating from the Head and from the Heart: The Essentially Oral Nature of the Ladino Bible-Translation Tradition. In W. Busse & M. C. Varol-Bornes (eds.), *Hommage á Haïm Vidal Sephiha*. — Bern: Peter Lang, 1996. — P. 337–357.
- Bybee J., Perkins R. and W. Pagliuca. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. — Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- De Lange N. *Greek Jewish Texts from Cairo Genizah*. — Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1996.
- Gold E. Yiddish and Hebrew. Borrowing through oral language contact // Schmid M. S., Austin J. R. & Stein D. (eds.). *Historical Linguistics, 1997: selected papers from the 13th International Conference on Historical Linguistics, Dusseldorf, 10-17 August 1997*. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 1998. — P. 135–148.
- Hassán I. M. Dos introducciones de la Biblia de Ferrara // Hassán I. M., Berenguer Amador A. (eds.). *Introducción a la Biblia de Ferrara*. — Madrid: CSIC, 1994. — P. 13–66.
- Hesseling D. C. Le livre de Jonah (le Pentateuque) // *Byzantinische Zeitschrift*. — 1901. — B. 10. — P. 208–217.
- Hesseling D. C. *Les cinq livres de la loi (Le Pentateuque)*. — Leiden / Leipzig: Von Doesburgh / Harrasowitz, 1897.
- Johanson L. Remodeling grammar: Copying, conventionalization, grammaticalization // Siemund P. and N. Kintana (eds.). *Language Contact and Contact Languages*. — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2008. — P. 61–80.
- Joseph B. Processes of Spread for Syntactic Constructions in the Balkans // Tzitzipis L., Symeonidis C. (eds.). *Balkan Linguistik: Synchronie und Diachronie*. — Thessaloniki, 2000. — P. 139–150.
- Krivoruchko J. G. The Constantinople Pentateuch within the context of Septuagint Studies // Melvin K. H. Peters (ed.). *XIII Congress of the International Organization for Septuagint and Cognate Studies, Ljubljana, 2007*. — Atlanta, GA: Society of Biblical Literature, 2008. — P. 255–276.
- Lazar M. *וּנִידָאָלֶב אַרְקָמָה יְמוּגָרָת*. *Sefunot*. — 1964. — Vol. 8. — P. 337–375.
- Lazar M. *Ladinamientos aljamiados de la Biblia*. // Hassán I. M., Berenguer Amador A. (eds.). *Introducción a la Biblia de Ferrara*. — Madrid: CSIC, 1994. — P. 373–442.
- Minervini L. *Testi giudeospagnoli medievali (Castiglia e Aragona)*. 2 vols. — Naples: Liguori, 1992.
- Quintana A. From the master' voice to the disciple's script. Genizah fragments of a Bible glossary in Ladino // *Hispania Judaica*. — 2008. — Vol. 6. — P. 187–236.

- Röll W. Jiddische Bibelglossen 1400–1600 // *Vestigia Bibliae* 24/25. — Bern: Peter Lang, 2004. — P. 365–376.
- Schwarzwald O. On the Jewish nature of medieval Spanish Biblical translations. Linguistic differences on medieval and post-exilic Spanish translations of the Bible // *Sefarad*. — 2010. — Vol. 70, N. 1. — P. 117-140.
- Timm E. Graphische und phonetische Struktur des Westjiddischen unter besonderer Berücksichtigung der Zeit um 1600. — Tübingen: Niemeyer, 1987.
- Timm E. Historische jiddische Semantik. Die Bibelübersetzungssprache als Faktor der Auseinanderentwicklung des jiddischen und des deutschen Wortschatzes (unter Mitarbeit von Gustav Adolf Beckmann). — Tübingen: Niemeyer, 2005.